

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

EDN: LMPFNL

Научная статья / Research Article

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан

Ю.А. Гаврилова , Ю.А. Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

 gavrilova_ua@volsu.ru

Аннотация. Исследуется механизм формирования правовой культуры цифровых граждан. Данное понятие является новым, отражающим генезис и развитие, смысловое содержание и роль этого феномена в период цифровых социальных трансформаций. Цель исследования – анализ понятия механизма формирования правовой культуры цифровых граждан, его стадий и элементов. Применены методы: системный, логический, моделирование и обобщение, прогнозирование, формально-юридический, сравнительно-правовой, культурологический. Понятие правовой культуры цифровых граждан формулируется в результате синтеза трех научных понятий и явлений: правовой культуры, гражданства и цифровой культуры, поэтому характеризуется особенностями и признаками каждого из них. Для рассмотрения сложного динамизма и последовательного функционального взаимодействия традиционных элементов правовой культуры и новых элементов цифровой культуры граждан используется конструкция механизма формирования правовой культуры цифровых граждан. Выявлены стадии этого механизма: приобретения надлежащих цифровых компетенций; осознания, консолидации и развития цифровой идентичности; освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления; формирования социально активного и ответственного цифрового поведения. Предложены элементы механизма, раскрывающие и конкретизирующие цели каждой стадии: цифровые знания, умения и навыки; цифровая идентичность; ценности и стандарты цифрового мышления; мотивационные установки правомерного и социально активного цифрового поведения. Значение механизма формирования правовой культуры цифровых граждан для юридической науки и практики состоит в сохранении и совершенствовании гуманистического и аксиологического подходов к определению места и роли личности в правовой системе цифрового общества, выявлении культурной ценности цифровых начал в правовом статусе гражданина, оптимизации правового регулирования взаимоотношений цифровых граждан с цифровым обществом и органами публичной власти.

Ключевые слова: цифровая культура, цифровые компетенции, цифровая идентичность, цифровое мышление, цифровое поведение, публичная власть, цифровое общество

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Боков Ю.А. – общая концепция исследования, введение, заключение; Гаврилова Ю.А. – общая часть, разделы 1–6. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01342 «Правовая культура цифровых граждан».

Поступила в редакцию: 06 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 962–980. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

Mechanism of legal culture formation among digital citizens

Yulia A. Gavrilova^{ID}✉, Yuri A. Bokov^{ID}

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

✉ gavrilova_ua@volsu.ru

Abstract. This article studies the mechanism of formation of the legal culture of digital citizens, a concept that reflects the genesis, development, semantic content, and role of this phenomenon amid digital social transformations. The study aims to analyze the mechanism by which the legal culture of digital citizens forms, detailing its stages and components. The research employs methods including systemic, logical, modeling and generalization, forecasting, formal-legal, comparative-legal, and cultural analysis. The concept of legal culture of digital citizens emerges from synthesizing three scientific phenomena: legal culture, citizenship, and digital culture, each contributing distinctive features and attributes. To understand the complex dynamics and consistent functional interaction between traditional elements of legal culture and new elements of citizens' digital culture, a mechanism design is proposed. This mechanism includes the following stages: acquiring digital competencies; awareness, consolidation and development of digital identity; mastering and reinforcing core digital values and standards of digital thinking; and forming socially active and responsible digital behavior. The mechanism's components specify the objectives for each stage: digital knowledge, skills, and abilities; digital identity; values and standards of digital thinking; and motivational attitudes fostering lawful and socially active digital behavior. The significance of this mechanism for legal science and practice lies in preserving and advancing humanistic and axiological approaches to defining the individual's role within the digital society's legal system, recognizing the cultural value of digital principles in a citizen's legal status, and optimizing legal regulation of relations among digital citizens, digital society, and public authorities.

Key words: digital culture, digital citizens, digital competencies, digital identity, digital thinking, digital behavior, public authority, digital society

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Bokov Yu.A.* – conceptualization of the research, introduction, summary, conclusion; *Gavrilova J.A.* – introduction, general part, Sections 1–6. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 24-28-01342), titled “Legal Culture of Digital Citizens.”

Received: 06th February 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Gavrilova, Y.A., Bokov, Y.A. (2025) Mechanism of legal culture formation among digital citizens. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 962–980. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-962-980>

Введение

В научных исследованиях тема цифрового гражданства приобретает все более масштабный предметно-содержательный интерес и практическую ценность в связи с развитием социокультурной цифровой парадигмы. Перед человечеством стоит сложный выбор: не принимать или отказываться от цифровых технологий, а, признавая их значительное влияние и роль в современном мире, определить формат взаимодействия с цифровой реальностью в долгосрочной перспективе. С учетом актуального тезиса нашего времени, что «цифра давно среди нас и является неотъемлемой частью нашей жизни», полагаем, что настало время фундаментальных правовых решений по вопросам цифровой среды. В соответствии с требованиями своевременности решения задач и эффективности достижения целей общественного развития проблема цифрового гражданства должна получить свой определенный статус в юридической науке.

Отметим, что цифровое гражданство является общемировым вектором развития, так как информационно-коммуникационные технологии и обслуживающая их организационно-технологическая, юридическая и финансовая инфраструктура не просто объединили, а тесно связали множество представителей разных этнокультурных, социальных, региональных сообществ и цивилизаций народов на планете. Цифровые технологии проникают во все сферы общественной жизни, поэтому идентифицируется рост теоретических исследований в каждой такой области их использования: реализация демократических процедур и выборов, создание цифровой экономики, популяризация телемедицины и цифрового образования, развитие цифровой культуры и искусства. При этом активными темпами происходит внедрение технологий «цифрового государства» и «электронного правительства», расширение практики электронного судопроизводства, автоматизация быта и досуга и др.

Параллельно с этими общемировыми тенденциями возрастает запрос на суверенную государственную политику в информационной сфере, поскольку развитие цифровых технологий продуцирует новые «превращенные» формы хорошо известных проблем человечества. Если раньше источниками власти и отчуждения рассматривались сложные социальные структуры, идеология, деньги (капитал), военная сила, ритуальное и легитимное воспроизводство существующего политического порядка, то сегодня, в чьих руках технологии, те лица и властвуют над людьми. Ни одно разумное и сильное государство не допустит отчуждения контроля за ресурсами и принесение национальных интересов в жертву глобальным владельцам цифровых технологий. Оно вынуждено создавать собственные цифровые базы данных и национальную систему цифрового гражданства.

Мы рассматриваем цифровое гражданство как культурное явление, поэтому обращаем внимание на правовую культуру цифровых граждан. В первую очередь, она выступает как часть общей и правовой культуры личности, отражающая их существенные черты, закономерности формирования и развития. Вместе с тем она характеризуется качественным своеобразием, вытекающим из особенностей и свойств цифровой онтологии, что требует более подробного рассмотрения следующих

вопросов: как использование онлайн-технологий влияет на восприятие гражданином цифровой реальности, на изменение модели его политико-правового участия в жизни общества, на эффективность взаимодействия с институтами публичной власти; что происходит с правовой культурой в ходе цифровой трансформации социально-экономического пространства: развивается она или сохраняет прежний уровень, может ли она деформироваться; как зависит поведение цифрового гражданина от решения проблем цифровой конфиденциальности и цифровой идентификации; необходимо ли конституционное закрепление и регламентация т.н. цифровых прав, свобод и обязанностей граждан; в чем состоит общий вектор развития цифровых технологий и перспективы эволюции правового статуса гражданина в контексте этих технологий и т.д.

Изучение правовой культуры цифровых граждан предполагает обращение к источникам ее формирования, частично совпадающим с факторами формирования правовой культуры личности, но имеющим важные отличия. Для этих целей следует использовать понятие механизма формирования правовой культуры цифровых граждан. Он необходим для того, чтобы обобщенно и концептуально изложить весь процесс «кристаллизации» цифровых начал в правовом статусе гражданина, обосновать взаимное влияние сохраняющихся жизнеспособных элементов традиционной правовой культуры и прогрессивных элементов новой цифровой культуры, раскрыть объем и содержание используемых философских, социально-гуманитарных и юридических средств.

Понятие правовой культуры цифровых граждан

Правовая культура цифровых граждан как особый объект исследования находится в зоне взаимодействия трех научных понятий, из которых два широко известны юридической науке – это правовая культура и гражданство, являющиеся правовыми категориями, а третье (цифровая культура) стало исследоваться сравнительно недавно, прежде всего, в рамках философии, социологии и других общественных наук. Результатом взаимного соотнесения и проникновения содержательных признаков этих понятий является образование общей логико-смысловой конструкции правовой культуры цифровых граждан.

Рассмотрение правовой культуры имеет давние традиции в отечественной юриспруденции. Например, Е.В. Аграновская включает в состав правовой культуры личности сложный комплекс явлений правовой жизни, преломляющийся под углом практики реализации прав, свобод и обязанностей в правовом поведении личности. Именно через субъективно-психологическое отношение к правам и свободам выявляется общее отношение личности к праву как ценности культуры и предъявленным в нем требованиям: нормам права, правосознанию, правоотношениям и т.д. (Agranovskaya, 1988:15–18).

В.П. Сальников применяет многосторонний подход к правовой культуре и в наиболее общем виде концептуализирует ее как совокупность всех прогрессивных правовых ценностей, созданных людьми и обществом в процессе исторической практической и духовной деятельности (Salnikov, 1989:5–12).

По мнению А.П. Семитко, правовая культура – это качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовых текстов (предметная подсистема), уровне развития правовой деятельности (деятельностная подсистема), уровне развития правосознания (субъективированная

подсистема) и в целом уровне развития правового субъекта (субъектная подсистема). Сложными элементами правовой культуры являются результаты комбинации, сочетания этих подсистем: правовой психологический климат социальных групп, правовое поведение и т.п. (Semitko, 1990:33).

Традиции комплексного и гуманистического анализа российской правовой культуры развиваются в настоящее время. Так Е.А. Певцова считает, что правовая культура должна изучаться через призму уровня правовой осведомленности граждан, их оценочного отношения к законодательству и праву, поведенческих алгоритмов в правовой сфере. Соответственно выделяются логико-нормативный, эмоционально-образный и мотивационный блоки правовой культуры (Pevtsova, 2024:198).

Что касается цифровой культуры, то в силу обширности и новизны этого понятия отсутствует единство даже первоначальных подходов к его осмыслению. В зарубежных исследованиях намечаются два принципиальных направления: гуманистическое и технологическое. В первом, гуманистическом, утверждается, что границы для цифровой культуры очерчиваются социальными структурами и отношениями посредством доступа людей к цифровым технологиям (Solberg, 2024:401). Во втором, технологическом, подчеркивается определяющее влияние цифровых технологий, формирующих нашу цифровую жизнь и цифровое будущее, регулирующих цифровые способы жизнедеятельности и познание человеком цифровой культуры как жизни в цифрах и кодах (Giannini & Bowen, 2019:4).

В отечественной литературе придерживаются гуманистической трактовки. Например, Г.М. Шаповалова считает, что цифровая культура – это обусловленная развитием Интернета и других сетевых структур форма выражения общечеловеческой культуры, реализующая традиционные информационно-познавательные, творческие и научные функции культуры по гуманизации жизни и деятельности человека с помощью новых цифровых форм и способов (Shapovalova, 2020:67).

Е.В. Грязнова предлагает субстратный подход к цифровой культуре, компонентами которой (субстратами) являются цивилизационный, социальный и антропологический. Цивилизационный субстрат показывает уровень технологического развития цивилизации (цифровую личность, цифровые способности, цифровые институты и пр.). Социальный характеризует цифровизацию как новую теорию социальной организации, основанную на всеобщей автоматизации человеческой деятельности. Антропологический субстрат описывает трансформацию родовых качеств человека, подвергнутых широкому цифровому воздействию: язык, мировоззрение, сознание, поведение и т.д. (Gryaznova, 2021:73).

Наиболее плодотворными являются позиции тех исследователей, которые представляют цифровую культуру как один из аспектов цифровой трансформации общества (культурный аспект), когда в тесном взаимодействии социально-сетевых коммуникаций людей и новых моделей цифровой экономики общества происходит объединение больших массивов данных, кадровых, организационно-производственных ресурсов и достигается масштабный синергетический эффект развития государства (Panshin, 2021:28; Burkardt et al., 2023:117–123).

Гражданство – это устойчивая и гарантированная политико-правовая связь лица и государства, находящая выражение в их взаимных правах, обязанностях и ответственности по отношению друг к другу. Конституционное законодательство регламентирует, а доктрина детально исследует историю возникновения института гражданства, его содержание, основания приобретения, изменения и прекращения,

механизмы реализации всего комплекса основных прав и обязанностей граждан, а также конституционные гарантии их реализации и ответственность за нарушение прав и свобод.

Однако способы соотнесения традиционных элементов правовой культуры граждан и новых элементов цифровой культуры остаются не проясненными в полной мере в настоящее время. Как отмечает М.Е. Черемисинова, уровень правовой культуры «населения» виртуального пространства (цифровых граждан. – *Авт.*) непосредственно влияет на целостное правовое состояние интернет-среды, ориентирует эту среду на ценности человеческой культуры. В это же время новая среда виртуальных отношений способна оказывать существенное обратное воздействие на юридическую практику и результаты деятельности субъектов права, создавать новые эталоны и образцы культурности и цивилизованности в правовой сфере (Cheremisinova, 2024:490).

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что базовым понятием должна выступать правовая культура, но ее содержательные компоненты (знания, умения, навыки, отношение к праву и солидарность с правом в юридически значимом поведении граждан) неизбежно соприкасаются с цифровой культурой. Итогом взаимодействия становится состояние, при котором цифровые знания, умения и навыки (цифровые компетенции) как бы «наслаиваются», «надстраиваются» над традиционными элементами, а иногда (и это, вероятно, тоже неизбежно в условиях цифровой среды) образуют с ними сложные культурные конгломераты.

С учетом же разных методологических подходов к формированию правовой культуры: как только позитивных аспектов и сторон правовой действительности, так и совокупности позитивных и негативных элементов, будем придерживаться второй точки зрения. Реальная характеристика правовой культуры цифровых граждан многосторонняя и в идеале должна иметь позитивную гуманистическую направленность соответствующего уровня (высокого, среднего, базового, продвинутого и т.д.).

В противном случае мы имеем дело с низкой либо деформированной цифровой правовой культурой или юридическим цифровым «бескультурьем», цифровой юридической аномией и т.п. Именно в этих кризисных ситуациях отчетливо проявляется наиболее общая модель правовой культуры цифровых граждан: это часть правовой культуры личности, выражающаяся в уровне сознательного понимания и усвоения передовых (гуманистических) цифровых знаний, умений и навыков и готовности руководствоваться ими, применять их в повседневной практической деятельности цифрового общества.

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан, его стадии и элементы

Для общей характеристики функционирования права в социальной системе, развертывания его динамической сущности в юридическую науку была введена категория «механизм правового регулирования». Она охватывает комплекс правовых средств, воздействующих на систему социальных связей, и раскрывающих порядок их взаимодействия, темпы и внутреннюю направленность развития права, его функциональный жизненный цикл (Alekseev, 1966:172–178).

Как сложная развивающаяся система механизм правового регулирования включает в себя ряд стадий, последовательно раскрывающих процесс юридического воздействия на общественные отношения под углом целей, назначения и роли

участвующих в нем субъектов. Это правотворчество, возникновение и реализация прав и обязанностей субъектов. К числу параметров механизма правового регулирования принято относить также элементы, т.е. части и компоненты этого механизма, выражающие существо каждой стадии и наиболее репрезентативно иллюстрирующие смысл и задачи правовой деятельности на данных стадиях. Речь идет о нормативных актах, правоотношениях и индивидуальных юридических актах.

Если выделить роль правосознания и правовой культуры, то они выступают связующими началами и «подключаются» к работе всех стадий и звеньев механизма правового регулирования. От уровня правовой культуры зависит в числе других предпосылок состояние законности и правопорядка в государстве.

Одним из локальных проявлений механизма правового регулирования можно считать механизм формирования правовой культуры цифровых граждан. Его назначение в том, чтобы показать становление и функционирование правовой культуры цифровых граждан, социальное и юридическое содержание, взаимосвязь ее сущностных и структурных характеристик. Изучение этого феномена в правовой литературе только начинается. Выделяются философский, юридический, политологический, культурологический, исторический подходы (Larova, 2023:117–118).

Стадиями такого механизма могут выступать влияние семейных, образовательных и иных институциональных форм правовой социализации личности; деятельность субъектов; воспроизводство элементов цивилизационной матрицы страны; образование историко-хронологических культурных структур в сопоставительном плане и т.д. Элементами механизма служит их инструментальное и символическое выражение (усвоение, объективация, средства и методы творческой деятельности, ценности, социальные отношения, регуляторы и т.п.).

Нами были предложены элементы юридической конструкции цифрового гражданства: 1) цифровое образование; 2) цифровая компетенция (грамотность); 3) цифровая идентичность; 4) цифровое мышление; 5) цифровое поведение (Gavrilova & Vokov, 2024:551). Исходя из развиваемой нами научной идеи, выскажем мнение, что механизм формирования правовой культуры цифровых граждан может включать в себя соответствующие стадии и элементы:

1) стадия приобретения надлежащих цифровых компетенций, элементами которой служат цифровые знания, умения и навыки, которые характеризуют в понятийном ряду правовой культуры состояние цифровой грамотности гражданина;

2) стадия осознания, консолидации и развития цифровой идентичности, где элементом является цифровая идентичность гражданина как совокупность его обобщенных и отличительных характеристик в сети;

3) стадия освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления, где в качестве элементов могут выражаться идеи, представления, понятия и категории, ценностные ориентации в цифровой среде как результат сложного взаимовлияния традиционных элементов правовой культуры и новых элементов цифровой культуры;

4) стадия формирования социально активного и ответственного цифрового поведения, где обеспечивающими элементами являются взгляды, убеждения, вкусы, нравы, привычки, устойчивые мотивы и глубоко интериоризованные установки деятельности цифрового гражданина. К рассмотрению этих важнейших функциональных аспектов правовой культуры цифровых граждан мы и перейдем.

Стадия приобретения надлежащих цифровых компетенций

Выделение из большого массива современных данных осмысленной и ценностной (значимой) для человека информации, трансформация этой информации в подлинное знание, наращивание умений и навыков его контекстуального и эффективного использования в жизни личности и общества – это неотъемлемая часть так называемого цифрового образования, включенного в общий процесс комплексной социализации человека. Интеллектуальным продуктом этого процесса выступает набор приобретенных цифровых знаний, умений и навыков работы с программами и технологиями, данными и платформами, обозначенных понятием цифровых компетенций. Качественным показателем такой образовательной деятельности является состояние цифровой грамотности обучающихся и воспитанников.

Особенность цифрового образования в его непрерывном характере и неотделимости от общих моделей накопления социального опыта, что осуществляется в семье и иных социальных группах по месту жительства и работы цифрового гражданина, на производстве и быту, в ходе получения общего и профессионального образования, а также проведения специальной научной подготовки. Все эти обстоятельства порождают вызов перед традиционным институтом образования: чему учить, как учить и в каком объеме.

Содержание цифрового образования («чему учить») предполагает не только освещение цифровых технологий и внешних форм их выражения (ноутбуки, смартфоны, антивирусные программы и т.д.), но и выработку осознанного представления о существенных изменениях, происходящих в культуре и обществе цифровой эпохи (Sokolova, 2012:9). Отрадно, что часть зарубежных ученых рассуждает в том же ключе. Цифровое образование стимулирует более широкую и опережающую рефлексию, умение самостоятельно анализировать и оценивать настоящие и будущие социально-технологические процессы в культуре, не полагаясь исключительно на цифровой комфорт и привлекательность новых форм сетевого демократического участия (Roberge, 2016:49–52).

Методы цифрового образования («как учить») основываются на разнообразии подходов. Однако верно отмечено, что вместе с плюрализмом в цифровом образовании приходят трудности и риски, связанные главным образом с культурными паттернами общества массового потребления. Снижаются базовые когнитивные навыки рассуждения и счета, уменьшается интенсивность живых контактов педагогов и обучаемых в пользу виртуальной коммуникации, утрачивается фундаментальность и энциклопедизм образования, повышается приоритет поиска и выделения информации из «поточного» Интернета взамен понимания и обладания реальным знанием (Bobryshov, 2020:32–36). Поддерживая этот взгляд, отметим недостаточность разработки психолого-педагогических средств поддержки цифрового образования в каждом вузе. Необходима и целесообразна серьезная коррекция государственной политики по вопросам цифровизации образования.

Наконец, объем цифрового образования – это вопрос так называемого минимума/максимума, достаточности/недостаточности цифровых компетенций в современном обществе. Думается, в общем и целом следует разработать хотя бы два ключевых уровня цифровых компетенций. Базовый (общегражданский) уровень должен охватывать знание, понимание и умелое пользование основными современными программами и базами данных, перечень которых можно было бы утвердить в нормативном порядке. Это программы как зарубежных производителей (Microsoft Word,

Microsoft Excel, Microsoft Power Point и т.д.), так и отечественных разработчиков на базе перечня реестра отечественного программного обеспечения. Профессиональный уровень включил бы утвержденные профессиональными стандартами специализированные прикладные знания, умения и навыки, необходимые человеку для выполнения социально-трудовых, профессиональных, служебных и иных обязанностей.

В соответствии с п. 3.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», утвержденного приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (в ред. от 27.02.2023), информационные технологии включены в состав общепрофессиональных компетенций выпускника (далее – ОПК). К ним отнесены ОПК-8 «Способен целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности» и ОПК-9 «Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности».

В п. 3.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», утвержденного приказом Минобрнауки России от 18.08.2020 № 1058 (в ред. от 27.02.2023), содержится аналогичная норма с той разницей, что ОПК-8, переименованная в ОПК-9, закреплена в общей группе «Теоретические и практические основы профессиональной деятельности», а ОПК-9, переименованная в ОПК-10, сохранена как специальная группа «Информационно-коммуникационные технологии для профессиональной деятельности». Нормативные акты издавались в один период времени.

Принимая во внимание возрастание роли цифровых компетенций, трансформирующих традиционную образовательную деятельность, необходимо внести соответствующие изменения в вышеназванные государственные образовательные стандарты. Базовый (общегражданский) уровень цифровых компетенций необходимо перенести в категорию универсальных компетенций (далее – УК). В частности, предусмотреть графу УК-12 с рабочим названием «Цифровая грамотность» и содержанием «Способен эффективно и целенаправленно приобретать базовые цифровые знания, умения и навыки, использовать цифровые технологии в широком спектре видов деятельности».

При этом действующий перечень ОПК выпускника переименовать в перечень профессиональных компетенции (далее – ПК), закрепив в нем профессиональный уровень цифровых компетенций: работа с правовыми базами данных, приемы юридической деятельности, внедряемые цифровые инновации и т.д. Тогда ПК, определяемые в настоящее время вузом самостоятельно, могли бы служить показателями состояния цифровой грамотности личности, как на основном, так и профессиональном уровнях, т.е. индикаторами правовой культуры цифрового гражданина.

Стадия осознания, консолидации и развития цифровой идентичности

В процессе накопления, классификации и обобщения цифровых знаний, умений и навыков, совершенствования опыта пребывания в виртуальной реальности складывается цифровая идентичность гражданина. Здесь главной проблемой социально-

психологического и культурного плана является сохранение родового сущностного единства человека, объективированного в так называемом цифровом профиле личности, и учет тех изменчивых социально-технологических ролей, которые человек может играть на бескрайних просторах мировой глобальной сети: администратор, пользователь, «аватары», заставки, фото- и видеоизображения и пр.

Иметь собственную цифровую идентичность означает установить и закрепить общность интересов с одними социальными сообществами и определить различия с другими культурными носителями. Но цифровые технологии оказывают существенное воздействие на восприятие гражданином подлинной «аналоговой» реальности, предлагая свою цифровую реальность, создавая адекватную или искаженную картину действительности.

В сложном потоке сетевых чувств, переживаний, настроений и взглядов цифровой гражданин ищет устойчивые основания бытия в виде цифровой «самости», цифрового «Я». В этой связи несформированность, неполная выраженность, узость цифровых компетенций характеризуют низкий уровень цифровой культуры и могут приводить к понижению самооценки, общественного рейтинга лица, кризису самоидентификации, разрушению цифровой идентичности. Поэтому так важно, чтобы цифровая идентичность формировалась при обязательном осуществлении в течение всей жизни цифрового образования, так как дисфункциональность цифровой грамотности ведет к подмене личностных и смысловых установок, образованию управляемой идентичности цифрового гражданина.

Повышение цифровой грамотности положительно сказывается на развитии гражданской активности, особенно молодежи, расширяет как их общие социальные возможности, так и субъективные юридические права в цифровом обществе. Это заметно, прежде всего, в широком распространении так называемого «онлайн-активизма», т.е. массового участия цифровых граждан в различных сетевых общественных дискуссиях, клубах и форумах, и общественных форм самоорганизации граждан по вопросам актуальной общественной повестки: например, краудфандинг или волонтерство (Duche-Pérez et al., 2024:554–556). Быстрый и простой доступ к технологическим ресурсам цифровой среды обеспечивает подлинное равноправие и эффективное осуществление конституционных прав и свобод, расширяет цифровую идентичность, развивает общегражданскую и политическую культуру.

Зарубежные авторы подчеркивают, что молодежь зачастую стремится оптимально сочетать развитие индивидуальной идентичности и принятие новых стандартов потребительского поведения, что принимается за основу транснациональными корпорациями при проведении маркетинговых компаний по увеличению клиентской базы и формировании престижности торговых марок продукции и услуг (Xu, 2022:307).

Все сказанное относится к существованию позитивной или истинной цифровой идентичности, где человек самовыражается и раскрывает свой культурный потенциал благодаря многопрофильной виртуальной деятельности в качестве и пользователя, и генератора цифрового контента. Однако цифровая конфиденциальность и цифровая идентификация способны формировать негативную или ложную цифровую идентичность. Во взаимодействии с позитивной (истинной) цифровой идентичностью она консолидируется в новый феномен мультиидентичности, носитель которой – развивающаяся «сетевая личность».

Если в основе научных и технологических знаний лежит аксиологический и гуманистический подход, то мультиидентичность идет на пользу не только цифровому гражданину, но и его ближайшему и отдаленному сетевому окружению, оформляя пространство созидательной цифровой коммуникации. В условиях же тотального давления власти на личность и общества на индивида личность (индивид) стремится уйти в сеть и заниматься любимыми видами деятельности, изменив цифровую идентификацию (вымышленный аккаунт) либо искажая половозрастные, профессиональные, демографические и иные социальные признаки личности. В этом случае для цифрового гражданина – это способ самореализации, но он может вводить в заблуждение других участников цифрового пространства на основе ложной цифровой идентичности. Они не знают, с кем общаются, и какие субъективные права и юридические обязанности в связи с этим возникают у обеих сторон виртуальных правоотношений?

Отмечено, что конструировать цифровую идентичность легко и просто, поскольку к этому обязывают нормы социального признания и статусно-ролевые отношения. Между тем вести себя активно в сети и жизни – не одно и то же. Понимание смысла действий в сети, способность принятия мгновенных и гибких решений на основе анализа сложных данных требуют ответственного отношения к индивидуальной цифровой идентичности, соблюдения этических норм в использовании информационно-коммуникационных технологий (Devyatova & Kazaryan, 2021:97–98).

Еще более остро проблематизируется тема цифровой идентичности в исследованиях, рассматривающих человека как часть будущего человеко-машинного сетевого нейронета, что констатируется как естественный и закономерный процесс развития цифровизации и становления цифровой культуры, которого не надо бояться (Краунов, 2022:51). Все же трудно представить себе неопределенную ситуацию, связанную с управлением человеческим поведением при помощи неконтролируемого людьми общего искусственного интеллекта. Что тогда будет с человеческой цифровой идентичностью и останется ли она? Разве поможет тогда уточнение нормативно-правового и этического регулирования деятельности цифровых граждан и нечеловеческих агентов? Разумеется, нет, так как делать это будет уже поздно.

Исходя из сказанного, цифровая идентичность выступает особой формой оценочного, культурно «маркированного» отношения к разнообразным явлениям цифровизации. Важно, чтобы мультиидентичность, основанная на динамике социальных ролей цифрового гражданина, способствовала консолидации и развитию позитивной цифровой идентичности личности. Необходимым условием для этого является повышение уровня цифровой культуры и всестороннее развитие цифровой грамотности. Глубокое внутренне осознанное оценочное отношение к цифровой среде, внешне выраженное посредством цифрового профиля лица, означает максимальную концентрацию физических, духовных и материальных ресурсов на творческом саморазвитии цифрового гражданина и характеризует вклад личности в совершенствование общественных отношений.

Стадия освоения, закрепления базовых цифровых ценностей и стандартов цифрового мышления

Отношение цифрового гражданина к виртуальной реальности в целом и ее отдельным составляющим (технологиям, видам информационных систем, оборудованию и периферийным устройствам и пр.), опосредованное практикой правового и

социального регулирования, постепенно складывается в концептуальную и систематизированную последовательность представлений, намерений, идейных убеждений, понятий и категорий, ценностно-нормативных ориентаций. Они выступают элементами стадии выработки базовых ценностных стандартов и ориентиров цифрового мышления, играющей важную стабилизирующую роль в механизме формирования правовой культуры цифровых граждан.

Цифровое мышление возникает на основе так называемого «аналогового» мышления человека, неизбежно отражая его особенности и характерные черты: рациональность, иерархичность, абстрактность, целостность и символичность. И первоначально казалось, что новое цифровое мышление лишь оперирует «картинками» и отсылает к визуальным «следам» и контексту культурных трансформаций. Однако постепенно пришло осознание, что цифровое мышление – это путь к пониманию цифровой культуры и нас самих в этой новой культуре. Цифровой образ реального мира влияет на его более глубокое осмысление, а соответствующие изменения в реальном мире влекут большие перемены и в цифровых технологиях (Stensaas, 1994: 229–231).

Например, в сфере интеллектуальной собственности расширение правового регулирования рассматривается как предпочтительное по отношению к чисто технологическим способам защиты конфиденциальности информации, поскольку позволяет гармонизировать частные коммерческие интересы владельцев цифровых авторских прав с публичными интересами общества и государства (Galdia, 2023:2242).

Сегодня изменения программно-технологической инфраструктуры и вызванные ими культурные сдвиги в цифровом обществе происходят намного быстрее и раньше, чем человек накапливает прочные знания о них и осмысливает подобные трансформации. Это находит отражение в законодательстве и практике его применения. В частности, нуждается в законодательном совершенствовании учет перманентно модифицируемых способов совершения преступлений с помощью информационно-коммуникационных технологий и усиление регулятивной функции уголовного закона по защите информационной безопасности субъектов публичного и частного права от этих преступных посягательств (Skripchenko, 2024:200).

Следовательно, цифровое мышление предъявляет гражданину новые требования по вовлечению в общественную жизнь при помощи цифрового инструментария. Человек должен всесторонне и творчески анализировать информацию и принимать решения таким же оптимальным и быстрым способом в рамках законов цифрового мира. Но для этого необходимо непрерывное в течение всей жизни повышение образовательного уровня, гибкость и открытость к инновационным продуктам.

Гражданин становится цифровым гражданином, если основывает свое мировоззрение на сформированных цифровых компетенциях и сложившейся цифровой идентичности. Ключевыми особенностями цифрового мышления являются, с одной стороны, сохраняющееся и актуализированное критическое восприятие реальности (Koshman & Alsufieva, 2022:63), с другой стороны, прогнозирование, т.е. выбор подходящих средств достижения целей цифровой эволюции, предвидение возможных последствий, объяснение необходимости возникновения новых цифровых ценностей.

Достижение этого целевого состояния возможно, на наш взгляд, на базе новой цифровой аксиологии права. Это главный и дискуссионный вопрос развития цифрового права, цифрового общества и всей цифровой культуры. Думается, что речь идет о трех больших группах правовых ценностей цифровой среды.

1. Традиционные духовно-нравственные ценности. Они предусмотрены Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Их включение в стандартный «набор» цифрового мышления продиктовано особенностями исторического развития, национальной культуры, менталитета, психологии, быта и традиций российского народа. Однако фундаментальность этих ценностей не означает, что они совершенно не изменяются в цифровую эпоху. Напротив, адекватная модернизация традиционных ценностей столь же необходима, как и существование будущей общероссийской цифровой гражданской идентичности, обеспечивающей и сберегающей идентичность каждого цифрового гражданина. Традиционные духовно-нравственные ценности частично сохраняются, а частично трансформируются в более операциональные социально-групповые регуляторы, а также личностные ценности и потребности.

2. Традиционные («аналоговые») правовые ценности: равенство всех перед законом, справедливость, гуманизм, единство прав и обязанностей, свобода, демократия, верховенство права, законность и т.д.

Эти ценности издавна имеют моральную основу и определяют гуманистические цели и функции права. Цифровая среда воздействует на целевые и содержательные параметры правовой системы, но, хочется надеяться, не изменит первоначальной сущности моральных общечеловеческих ценностей. Из этого следует, что историческая сложившаяся и функционирующая мораль устанавливает нравственные границы цифровой культуры, а само существование человека как источника и носителя универсальной системы моральных норм и принципов приведет лишь к возрастанию роли права в цифровом обществе, в том числе к оптимизации правовой культуры цифровых граждан.

3) Социально-технические ценности: технологическая эффективность, скорость, удобство, прозрачность, подотчетность, предсказуемость, программный код, надежность, гибкость и ряд др.

Данные ценности могут выступать непосредственными стандартами цифрового мышления, но общей задачей личности, общества и государства должно стать использование научно-технических достижений в гуманных интересах, развитие человеческого потенциала, укрепление национального и гражданского единства страны, обеспечение мирного сотрудничества и международной безопасности цифровой эпохи.

В этой связи социально-технические ценности не самодостаточны и не автономны, а имеют служебно-процессуальное назначение выступать гарантией реализации как традиционных духовно-нравственных, так и правовых ценностей. Поэтому цифровое мышление основывается на убежденности в социальной необходимости, полезности и, главное, справедливости изобретенных цифровых технологий.

Стадия формирования социально активного и ответственного цифрового поведения

Формирование правовой культуры цифровых граждан происходит в единстве и тесном переплетении цифровых компетенций, цифрового мышления и завершается на этапе практического воплощения цифровой идентичности личности. Здесь мы должны выделить значимость ответственного и заботливого отношения к правам и

законным интересам других цифровых граждан и цифрового общества, проявления новаторства, инициативы и чувства долга перед третьими лицами, обществом и государством, приобретения дополнительной мотивации в цифровых способах реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей в согласовании с публичными интересами.

Осуществление этой стадии сопровождается цифровым поведением индивидов, которое в отличие от их цифровой идентичности, является внешне выраженным (объективированным) в сети высказыванием и (или) поступком, характеризующим внешне проявленное отношение к цифровой реальности, действующим в ней правилам и нормам, практике их реализации (положительное или отрицательное). Элементами, раскрывающими задачи этой стадии, можно обозначить устойчивые взгляды и убеждения цифрового гражданина, привычные мотивы и стереотипные установки его правомерного и социально активного поведения, т.е. то, что называется активной гражданской позицией в цифровой среде.

Не все общественные отношения в цифровой среде и не всегда регулируются правовыми нормами, прежде всего личное времяпровождение в сети, цифровой досуг, медиаразвлечения. Такие формы цифрового поведения являются во многом привычными и конформными, по существу, ориентируют людей на сложившиеся образцы поведения или пример окружающих. В отличие от опыта культурного наследия, который транслируется и обогащается, досуг существует и переживается в данный момент. Всемирно известная платформа YouTube предоставляет пользователям право трансформировать интерфейс для максимального взаимодействия, создавать уникальный образовательный и игровой контент, синтезировать информацию и способы доступа к ней, что позволяет формировать новые варианты цифровых культурных привычек, развивать интерактивную аудиовизуальную культуру совместного потребления медиаданных в сети (Montero & Mora-Fernandez, 2020:399).

Крайними же полюсами юридически значимого цифрового поведения гражданина выступают социально активное (законопослушное) и маргинальное. «Пограничные» формы цифрового поведения часто наблюдаются в сфере публичной политики и связаны с политическим радикализмом, распространением «фейковых» (недоверенных) новостей и онлайн-преследованием политических оппонентов. Такие явления свидетельствуют о деформации электорально-правовой культуры российских граждан, политиков, депутатов и избирателей.

Стабильность же цифровой среды складывается на основе устойчивого политического порядка как результат целенаправленной и эффективной государственной политики цифровизации. В связи с этим нуждается в государственно-правовом оформлении и упорядочивании полный спектр цифровой политической маргинальности, который зачастую и находится почти всегда на грани правомерного и противоправного. И речь идет не только об институте юридической ответственности за нарушение законов в сфере информатизации, информационных технологий и защиты информации (здесь уже сделано достаточно много), а о создании комплекса социально-экономических, организационных, технологических, идеологических и финансовых условий и мер по предотвращению и минимизации проявлений асоциального цифрового поведения. Все это и есть вопрос формирования цифровой культуры населения и должностных лиц.

В зарубежной литературе отмечается важность как более глубокого культурного взаимопонимания для преодоления новых цифровых барьеров в инокультурной

среде (Leurs, 2016:61), так и специальной государственной политики по поддержке уязвимых групп населения: субсидирование приобретения цифровых устройств, инклюзивного программного обеспечения для инвалидов, непрерывного цифрового образования этих категорий цифровых граждан и т.д. (Higgins et al., 2023:2109).

Относительно же социально активного политического и правового участия цифровых граждан в процессе принятия публично-государственных решений следует сказать, что российская модель еще уступает лучшим зарубежным практикам. Избирательное законодательство Российской Федерации устанавливает систему денежных поступлений в избирательные фонды кандидатов в депутаты органов публичной власти. Это делает невозможным, например, цифровой перевод «в один клик» от граждан, желающих быстро и конфиденциально продемонстрировать личный интерес к политике и поддержку любимых кандидатов, т.е. «электронный фандрайзинг» (Vokov, 2021:1173).

Между тем расширение возможностей демократического участия электората в выборах (не только путем голосования, но и мелкого спонсорства) способно снизить коррупционные риски зависимости политиков от крупных спонсоров, сделать более прозрачным и подотчетным гражданскому обществу политический ландшафт. Данная модель не является универсальным вариантом решения проблемы, но может повысить уровень электорально-правовой культуры в российском обществе.

Цифровизация отражает объективные тенденции развития научно-технического прогресса, развивая альтернативные формы электорального цифрового поведения: голосование с помощью комплекса (машины) для электронного голосования и вообще дистанционное электронное голосование. В Российской Федерации это все уже работает, хотя и в режиме правового эксперимента. Оптимизация затрат в деятельности избирательных комиссий, улучшение доступности избирательных процедур, обеспечение конфиденциальности процесса участия в выборах и надежности цифрового определения итогов голосования будут содействовать расширению политической активности цифровых граждан и совершенствованию электорально-правовой культуры.

Трансформация социально-экономического пространства приводит к появлению более совершенных цифровых технологий, стимулирующих рост правовой культуры цифрового политического участия гражданского общества в делах государства. Российское законодательство регулирует порядок привлечения к ответственности и пресечения изготовления и распространения в сети Интернет печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов с нарушением правовых норм, однако не предусматривает способы защиты добросовестных цифровых граждан от избыточной политической рекламы, возлагая на них бремя ее автоматического или ручного программного отключения (блокирования). Представляется, что улучшение состояния электорально-правовой культуры достигается посредством адекватного соотношения правового и технологического способов регулирования цифрового поведения.

В современном цифровом обществе воздействие широкого спектра новых технологий и модели социально активного цифрового поведения граждан находятся в тесной зависимости. Успешное взаимодействие цифровых граждан с институтами политической власти, выявление потенциала роста правовой культуры возможно на базе ответственной позиции и сознательной деятельности по развитию и улучшению качества жизни людей с помощью нравственно-правовых, ценностных и социально-технологических подходов.

Заключение

Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан имеет концептуально-методологическое значение для определения перспектив духовного развития личности в эпоху технологической эволюции российского права. Он играет основополагающую роль в раскрытии взаимоотношений цифровых граждан с цифровым обществом и органами публичной власти на базе развивающихся цифровых технологий и принципов гуманистической аксиологии.

References / Список литературы

- Agranovskaya, E.V. (1988) *Legal culture and ensuring individual rights*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. Москва: Наука, 1988. 142 с.
- Alekseev, S.S. (1966) *The mechanism of legal regulation in a socialist state*. Moscow, Legal Literature Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Bobryshov, S.V. (2020) Digitalization of life and education as a factor in the development and deformation of digital culture and legal consciousness of student youth. In: Stavropol State Pedagogical Institute. *Legal consciousness of students at a law school in the context of informatization of Russian society: collection of materials from the international scientific and practical conference, Stavropol, September 17-18, 2020*. Vol. 1. Stavropol, IP Svetlichnaya, S.G. Publ., pp. 30–37. (in Russian). EDN: EYVOTM.
Бобрышов С.В. Цифровизация жизни и образования как фактор развития и деформации цифровой культуры и правосознания студенческой молодежи // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 17–18 сентября 2020 года. Т. 1. Ставрополь : ИП Светличная С.Г., 2020. С. 30–37. EDN: EYVOTM.
- Bokov, Y.A. (2021) Smart Technologies in Electoral Fundraising. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) *“Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol 155. Springer, Cham Publ., pp. 1167–1175. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_127
- Burkardt, A., Schulz, L. & Petry, T. (2023) Digital Culture Evaluation. In: Kochhan, C., Moutchnik, A. (eds). *Handlungsraum Media Management*. Wiesbaden, Springer Gabler Publ., pp. 115–126. https://doi.org/10.1007/978-3-658-41520-4_5
- Cheremisinova, M.E. (2024) Legal Culture in Virtual Space. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 477–493. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493> EDN: FDEMVT.
Черемисинова М.Е. Правовая культура в виртуальном пространстве // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 477–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493> EDN: FDEMVT.
- Devyatova, S.V. & Kazaryan, V.P. (2021) Ethics of responsibility in the paradigm of digital culture. *Scientific almanac*. (2–1 (76)), 96–99. (in Russian). EDN: WGOWOL.
Девятлова С.В., Казарян В.П. Этика ответственности в парадигме цифровой культуры // Научный альманах. 2021. № 2–1 (76). С. 96–99. EDN: WGOWOL.
- Duche-Pérez, A.B., Vera-Revilla, C.Y., Gutiérrez-Aguilar, O.A., Montesinos-Chávez, M.C., Valdivia-Loaiza, A.H. & Flores-Vilca, I.V. (2024) Digital Culture, Youth, and Citizenship: A Systematic Review. In: Ibáñez, D.B., Castro, L.M., Espinosa, A., Puentes-Rivera, I., López-López, P.C. (eds). *Communication and Applied Technologies. ICOMTA 2023. Smart*

- Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 375. Singapore, Springer Publ., pp. 549–558. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7210-4_51
- Galdia, M. (2023) Cooperation or Confrontation Between New Technologies and Law of Information. *International Journal for Semiotics of Law*. 36, 2219–2246. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-09978-x>
- Gavrilova, Yu.A. & Bokov, Y.A. (2024) Legal issues of digital citizenship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 546–564. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564> EDN: GQDGDO.
- Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 546–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564> EDN: GQDGDO.
- Giannini, T. & Bowen, J.P. (2019) Digital Culture. In: Giannini, T., Bowen, J. (eds). *Museums and Digital Culture. Springer Series on Cultural Computing*. Cham, Springer Publ., pp. 3–26. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97457-6_1
- Gryaznova, E.V. (2021) Substrate approach in the study of digital culture. *Bulletin of Tomsk State University*. (464), 68–75. (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/8> EDN: RCKEYK.
- Грязнова Е.В. Субстратный подход в исследовании цифровой культуры // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 68–75. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/8> EDN: RCKEYK.
- Higgins, N., Ferri, D. & Donnellan, K. (2023) Enhancing Access to Digital Culture for Vulnerable Groups: The Role of Public Authorities in Breaking Down Barriers. *International Journal for Semiotics of Law*. 36, 2087–2114. <https://doi.org/10.1007/s11196-022-09959-6>
- Koshman, N.V. & Alsufieva, A.T. (2022) Some approaches to the implementation of critical thinking technology in the era of digital culture. *Education Development Management*. (2), 61–63. (in Russian). EDN: GDXTJM.
- Кошман Н.В., Алсуфьева А.Т. Некоторые подходы к реализации технологии критического мышления в эпоху цифровой культуры // Управление развитием образования. 2022. № 2. С. 61–63. EDN: GDXTJM.
- Kraynov, A.L. (2022) Digital culture as an indicator of the maturity of the information society. *Philosophy and Humanities in the Information Society*. (2 (36)), 47–53. (in Russian).
- Крайнов А.Л. Цифровая культура как индикатор зрелости информационного общества // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 2 (36). С. 47–53.
- Lapova, E.S. (2023) Diversity of mechanisms for the formation of legal culture as a reflection of the versatility of the phenomenon of “legal culture”. *St. Petersburg meetings of young scientists: Proceedings of the 1st All-Russian Congress of adjuncts, postgraduate students and applicants for academic degrees. St. Petersburg, June 15, 2023*. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., pp. 115–120. (in Russian).
- Ланова Е.С. Многообразие механизмов формирования правовой культуры как отражение многогранности феномена «правовая культура» // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 115–120.
- Leurs, K. (2016) Digital Divides in the Era of Widespread Internet Access: Migrant Youth Negotiating Hierarchies in Digital Culture. In: Walrave, M., Ponnet, K., Vanderhoven, E., Haers, J. & Segaert, B. (eds). *Youth 2.0: Social Media and Adolescence*. Cham, Springer Publ., pp. 61–78. https://doi.org/10.1007/978-3-319-27893-3_4
- Montero, A. & Mora-Fernandez, J. (2020) Digital Culture in YouTube Categories and Interfaces: User Experience and Social Interactions of the Most Popular Videos and Channels. In: Stephanidis, C. et al. (eds). *HCI International 2020 – Late Breaking Papers: Interaction*,

- Knowledge and Social Media. HCII 2020. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 12427. Cham, Springer Publ., pp 383–401. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60152-2_29
- Panshin, B.N. (2021) Digital culture as a factor in the efficiency and risk reduction of digital transformation of the economy and society. *Digital transformation*. (3), 26–33. (in Russian). EDN: EZDSHO.
- Паньшин Б.Н. Цифровая культура как фактор эффективности и снижения рисков цифровой трансформации экономики и общества // Цифровая трансформация. 2021. № 3. С. 26–33. EDN: EZDSHO.
- Pevtsova, E.A. (2024) Modern Theory of Law on the Relationship between Legal Culture, Legal Consciousness and Legal Education. *Theory of State and Law*. (1 (35)), 188–214. (in Russian). https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_1_35_188 EDN: MAQJOJ.
- Певцова Е.А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 188–214. https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_1_35_188 EDN: MAQJOJ.
- Roberge, J. (2016) Critique and the Deliberate Professional: Framing the New and Enhanced Role of Intermediaries in Digital Culture. In: Trede, F., McEwen, C. (eds). *Educating the Deliberate Professional. Professional and Practice-based Learning*. Vol. 17., Cham, Springer Publ., pp. 47–58. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32958-1_4
- Salnikov, V.P. (1989) *Socialist legal culture. Methodological problems*. Saratov, Publishing house of Saratov University. (in Russian).
- Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов : Изд-во Сарат.ун-та, 1989. 144 с.
- Semitko, A.P. (1990) *Legal culture of socialist society: essence, contradictions, progress*. Sverdlovsk, Publishing house of Ural University. (in Russian).
- Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 176 с.
- Shapovalova, G.M. (2020) “Digital Culture” in the Concept of the Global Information Society: Theoretical and Legal Aspect. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ. (in Russian).
- Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект. Владивосток : Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса, 2020. 176 с.
- Skipchenko, N.Yu. (2024) Use of information and telecommunication networks for criminal purposes: Regulatory accounting and prospects for expanding the criminal-law significance. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 196–214. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214> EDN: QXGMAB.
- Скрипченко Н.Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 196–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214> EDN: QXGMAB.
- Sokolova, N.L. (2012) Digital Culture or Culture in the Digital Age? *International Journal of Cultural Studies*. (3 (8)), 6–10. (in Russian).
- Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 6–10.
- Solberg Söilen, K. (2024) Digital Cultures. In: *Digital Marketing. Springer Texts in Business and Economics*. Cham, Springer Publ., pp. 401–404. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69518-6_39
- Stensaas, S. (1994) The Transformed and Transforming Image in the Shift from Print to Digital Culture. In: Kronegger, M., Tymieniecka, A.T. (eds). *Allegory Old and New. Analecta Husserliana*. Vol. 42. Dordrecht, Springer Publ., pp. 229–247. https://doi.org/10.1007/978-94-011-1946-7_16

Xu, J.H. (2022) Constructing the Consumer in the Digital Culture: American Brands and China's Generation Z. In: Ngwainmbi, E.K. (eds). *Dismantling Cultural Borders Through Social Media and Digital Communications*. Cham, Palgrave Macmillan Publ., pp. 307–329. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92212-2_12

Сведения об авторах:

Гаврилова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права, Институт права, Волгоградский государственный университет; Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0002-8055-4710; SPIN-код: 1977-2010

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт права, Волгоградский государственный университет; Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0001-6357-9599; SPIN-код: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru

About the authors:

Yulia A. Gavrilova – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8055-4710; SPIN-code: 1977-2010

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

Yuri A. Bokov – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6357-9599; SPIN-code: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru